

Где-то около Бреста
Вдруг вошла к нам в вагон
Невеселая песня
Военных времен.

Шла она по проходу
И тиха, и грустна.
Сколько было народу -
Всех смутила она.

Подняла с полок женщин,
Растревожила сны,
Вспомнив всех не пришедших
С той, последней войны.

Как беде своей давней,
Мы вздыхали ей вслед.
И пылали слова в ней,
Как июньский рассвет.

Песня вновь воскрешала
То, что было давно,
Что ни старым, ни малым
Позабыть не дано.

И прощалась поклоном,
Затихала вдали...
А сердца по вагонам
Всё за песнею шли.

* * *

Б. Н. Полевому

- Ну, что ты плачешь, медсестра?
Уже пора забыть комбата...

- Не знаю...

Может и пора.-

И улыбнулась виновато.

Среди веселья и печали
И этих праздничных огней

Сидят в кафе однополчане
В гостях у памяти своей.

Их стол стоит чуть-чуть в сторонке.
И, от всего отрешены,
Они поют в углу негромко
То, что певали в дни войны.

Потом встают, подняв стаканы,
И молча пьют за тех солдат,
Что на Руси
И в разных странах
Под обелисками лежат.

А рядом праздник отмечали
Их дети -
Внуки иль сыны,
Среди веселья и печали
Совсем не знавшие войны.

И кто-то молвил глуховато,
Как будто был в чем виноват:
- Вон там в углу сидят солдаты -
Давайте выпьем за солдат...

Все с мест мгновенно повскакали,
К столу затихшему пошли -
И о гвардейские стаканы
Звенела юность от души.

А после в круг входили парами,
Но, возымев над всеми власть,
Гостей поразбросала "барыня".
И тут же пляска началась.

И медсестру какой-то парень
Вприсядку весело повел.
Он лихо по полу ударил,
И загудел в восторге пол.

Вот медсестра уже напротив
Выводит дробный перестук.
И, двадцать пять годочков сбросив,
Она рванулась в тесный круг.

Ей показалось на мгновенье,
Что где-то виделись они:
То ль вместе шли из окруженья
В те злые памятные дни,

То ль, раненного, с поля боя
Его тащила на себе.
Но парень был моложе вдвое,
Пока чужой в ее судьбе.

Смешалось все -
Улыбки, краски.
И молодость, и седина.
Нет ничего прекрасней пляски,
Когда от радости она.

Плясали бывшие солдаты,
Нежданно встретившись в пути
С солдатами семидесятых,
Еще мальчишками почти.

Плясали так они, как будто
Вот-вот закончилась война.
Как будто лишь одну минуту
Стоит над миром тишина.

Баллада о матери

Постарела мать за много лет,
А вестей от сына нет и нет.
Но она всё продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.
И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война.
Много лет, как все пришли назад,
Кроме мёртвых, что в земле лежат.

Сколько их в то дальнее село,
Мальчиков безусых, не пришло.

...Раз в село прислали по весне
Фильм документальный о войне,
Все пришли в кино - и стар, и мал,
Кто познал войну и кто не знал,
Перед горькой памятью людской
Разливалась ненависть рекой.
Трудно было это вспоминать.
Вдруг с экрана сын взглянул на мать.
Мать узнала сына в тот же миг,
И пронёсся материнский крик;
- Алексей! Алёшенька! Сынок! -
Словно сын её услышать мог.
Он рванулся из траншеи в бой.
Встала мать прикрыть его собой.
Всё боялась - вдруг он упадёт,
Но сквозь годы мчался сын вперёд.
- Алексей! - кричали земляки.
- Алексей! - просили, - добеги!..
Кадр сменился. Сын остался жить.
Просит мать о сыне повторить.
И опять в атаку он бежит.
Жив-здоров, не ранен, не убит.
- Алексей! Алёшенька! Сынок! -
Словно сын её услышать мог...
Дома всё ей чудилось кино...
Всё ждала, вот-вот сейчас в окно
Посреди тревожной тишины
Постучится сын её с войны.

Расул Гамзатов

Нас двадцать миллионов

От неизвестных и до знаменитых,
Сразить которых годы не вольны,
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.

Нет, не исчезли мы в крошечном дыме,
Где путь, как на вершину, был не прям.
Еще мы женам снимся молодыми,
И мальчиками снимся матерям.

А в День Победы сходим с пьедесталов,
И в окнах свет покуда не погас,
Мы все от рядовых до генералов
Находимся незримо среди вас.

Есть у войны печальный день начальный,
А в этот день вы радостью пьяны.
Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.

Мы не забылись вековыми снами,
И всякий раз у Вечного огня
Вам долг велит советоваться с нами,
Как бы в раздумье головы клоня.

И пусть не покидает вас забота
Знать волю не вернувшихся с войны,
И перед награждением кого-то
И перед осуждением вины.

Все то, что мы в окопах защищали
Иль возвращали, кинувшись в прорыв,
Беречь и защищать вам завещали,
Единственные жизни положив.

Как на медалях, после нас отлитых,
Мы все перед Отечеством равны
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.

Где в облаках зияет шрам наскальный,
В любом часу от солнца до луны
Бьет колокол над нами поминальный
И гул венчальный льется с вышины.

И хоть списали нас военкоматы,
Но недругу придется взять в расчет,
Что в бой пойдут и мертвые солдаты,
Когда живых тревога призовет.

Будь отвратима, адова година.
Но мы готовы на передовой,
Воскреснув,
вновь погибнуть до едина,
Чтоб не погиб там ни один живой.

И вы должны, о многом беспокоясь,
Пред злом ни шагу не подавшись вспять,
На нашу незапятнанную совесть
Достойное равнение держать.

Живите долго, праведно живите,
Стремясь весь мир к собратству
сопричасть,
И никакой из наций не хулите,
Храня в зените собственную честь.

Каких имен нет на могильных плитах!
Их всех племен оставили сыны.
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.

Падучих звезд мерцает зов сигнальный,
А ветки ив плакучих склонены.
Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.
<Перевод Я.Козловского>

Константин Симонов

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,

Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину - такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в
морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.
1941г.

АТАКА

Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готовясь броситься в атаку,
Винтовку вскинул на бегу,

Какой уютной показалась
Тебе холодная земля,
Как все на ней запоминалось:

Примерзший стебель ковыля,

Едва заметные пригорки,
Разрывов дымные следы,
Щепоть рассыпанной махорки
И льдинки пролитой воды.

Казалось, чтобы оторваться,
Рук мало — надо два крыла.
Казалось, если лечь, остаться —
Земля бы крепостью была.

Пусть снег метет, пусть ветер гонит,
Пускай лежать здесь много дней.
Земля. На ней никто не тронет.
Лишь крепче прижимайся к ней.

Ты этим мыслям жадно верил
Секунду с четвертью, пока
Ты сам длину им не отмерил
Длиною ротного свистка.

Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжелою походкой
Бежал по снегу напрямик.

Осталась только сила ветра,
И грузный шаг по целине,
И те последних тридцать метров,
Где жизнь со смертью наравне!
1942г.

* * *

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали:- Господь вас
спаси!-
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из
глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды
молятся
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина -
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовой слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый,
старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы
их?

Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала:- Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

"Мы вас подождем!"- говорили нам пажити.
"Мы вас подождем!"- говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.
1941г.

* * *

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,

Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.
1941г.

СЛАВА

За пять минут уж снегом талым
Шинель запылилась вся.
Он на земле лежит, усталым
Движеньем руку занеся.

Он мертв. Его никто не знает.
Но мы еще на полпути,
И слава мертвых окрыляет
Тех, кто вперед решил идти.

В нас есть суровая свобода:
На слезы обрекая мать,
Бессмертье своего народа
Своею смертью покупать. 1942г.

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Пожар стихал. Закат был сух.
Всю ночь, как будто так и надо,
Уже не поражая слух,
К нам долетала канонада.

И между сабель и сапог,
До стремени не доставая,
Внизу, как тихий василек,
Бродила девочка чужая.

Где дом ее, что случилось с ней
В ту ночь пожара - мы не знали.
Перегибаясь к ней с коней,
К себе на седла поднимали.

Я говорил ей: "Что с тобой?" -
И вместе с ней в седле качался.
Пожара отсвет голубой
Навек в глазах ее остался.

Она, как маленький зверек,
К косматой бурке прижималась,
И глаза синий уголек
Все догореть не мог, казалось.

.....

Когда-нибудь в тиши ночной
С черемухой и майской дремой,
У женщины совсем чужой
И всем нам вовсе незнакомой,

Заметив грусть и забытье
Без всякой видимой причины,
Что с нею, спросит у нее
Чужой, не знавший нас, мужчина.

А у нее сверкнет слеза,
И, вздрогнув, словно от удара,
Она поднимет вдруг глаза
С далеким отблеском пожара:

- Не знаю, милый.- А в глазах
Вновь полетят в дорожной пыли
Кавалеристы на конях,

Какими мы когда-то были.

Деревни будут догорать,
И кто-то под ночные трубы
Девчонку будет поднимать
В седло, накрывши буркой грубой.
1942г.

* * *

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: - Повезло.
Не понять, не ждавшим им,

Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,-
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.
1941г.

Юлия Друнина

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать!-- Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

БИНТЫ

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напружиненный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем - так учили нас.
Одним движеньем - только в этом
жалость...
Но встретившись со взглядом страшных
глаз,
Я на движенье это не решалась.
На бинт я щедро перекись лила,
Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла

И повторяла: "Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться - беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки".
Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.

Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймешь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!

ТЫ ДОЛЖНА!

Побледнев,
Стиснув зубы до хруста,
От родного окопа
Одна
Ты должна оторваться,
И бруствер
Проскочить под обстрелом
Должна.
Ты должна.
Хоть вернешься едва ли,
Хоть "Не смей!"
Повторяет комбат.
Даже танки
(Они же из стали!)
В трех шагах от окопа
Горят.
Ты должна.
Ведь нельзя притворяться
Перед собой,
Что не слышишь в ночи,
Как почти безнадежно
"Сестрица!"
Кто-то там,
Под обстрелом, кричит...

* * *

Я столько раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу - во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
1943г.

* * *

Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы - девчата,
Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты -
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

ЗИНКА

*Памяти однополчанки - Героя
Советского Союза Зины Самсоновой.*

1.
Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, сырой земле.
- Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то в яблочном захолустье
Мама, мамка моя живет.
У тебя есть друзья, любимый,
У меня лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.
Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет.
Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет...
Отогрелись мы еле-еле,

Вдруг неожиданный приказ: "Вперед!"
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

2.

С каждым днем становилось горше,
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.
Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.
Мы не ждали посмертной славы,
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?
Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав,
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

3.

- Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то в яблочном захолустье
Мама, мамка твоя живет.
У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.
И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала...

* * *

Целовались.
Плакали

И пели.
Шли в штыки.
И прямо на бегу
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Мама!
Мама!
Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Александр Твардовский

* * *

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они - кто старше, кто моложе -
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,-
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Анна Ахматова

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым, -
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!
Июль 1941г.

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла "Берт".
Вот о вас и напишут книжки:

"Жизнь свою за други своя",
Незатейливые парнишки -
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья!
29 февраля 1944г.

ПРИЧИТАНИЕ

Ленинградскую беду
Руками не разведу,
Слезами не смою,
В землю не зарюю.
Я не словом, не упреком,
Я не взглядом, не намеком,
Я не песенкой наемной,
Я не похвальбой нескромной

.....

В поле зеленом
Помяну...
1944г.

ПАМЯТИ ДРУГА

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.
8 ноября 1945г.

Борис Пастернак

СТРАШНАЯ СКАЗКА

Все переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг

Вовеки не простится.

Не сможет позабыться страх,
Изборождавший лица.
Сторицей должен будет враг
За это поплатиться.

Запомнится его обстрел.
Сполна зачтется время,
Когда он делал, что хотел,
Как Ирод в Вифлееме.

Настанет новый, лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.
1941г.

ОЖИВШАЯ ФРЕСКА

Как прежде, падали снаряды.
Высокое, как в дальнем плавании,
Ночное небо Сталинграда
Качалось в штукатурном саване.

Земля гудела, как молебен
Об отвращеньи бомбы воющей,
Кадильницей дым и щебень
Выбрасывая из побоища.

Когда урывками, меж схваток,
Он под огнем своих проводывал,
Необъяснимый отпечаток
Привычности его преследовал.

Где мог он видеть этот ежик
Домов с бездонными проломами?
Свидетельства былых бомбежек
Казались сказочно знакомыми.

Что означала в черной раме

Четырехпалая отметина?
Кого напоминало пламя
И выломанные паркетины?

И вдруг он вспомнил детство, детство,
И монастырский сад, и грешников,
И с общиной по соседству
Свист соловьев и пересмешников.

Он мать сжимал рукой сыновней.
И от копья Архистратига ли
По темной росписи часовни
В такие ямы черти прыгали.

И мальчик облекался в латы,
За мать в воображеньи ратуя,
И налетал на супостата
С такой же свастикой хвостатую.

А рядом в конном поединке
Сиял над змеем лик Георгия.
И на пруду цвели кувшинки,
И птиц безумствовали оргии.

И родина, как голос пуши,
Как зов в лесу и грохот отзыва,
Манила музыкой зовущей
И пахла почкою березовой.

О, как он вспомнил те полянки
Теперь, когда своей погоней
Он топчет вражеские танки
С их грозной чешуей драконьею!

Он перешел земли границы,
И будущность, как ширь небесная,
Уже бушует, а не снится,
Приблизившаяся, чудесная.
Март 1944г.

ВЕСНА

Все нынешней весной особое.
Живее воробьев шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,
И громкою октавой в хоре
Земной могучий голос слышится
Освобожденных территорий.

Весеннее дыханье родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства.

Везде трава готова вылезти,
И улицы старинной Праги
Молчат, одна другой извилистей,
Но заиграют, как овраги.

Сказанья Чехии, Моравии
И Сербии с весенней негой,
Сорвавши пелену бесправия,
Цветами выйдут из-под снега.

Все дымкой сказочной подернется,
Подобно завиткам по стенам
В боярской золоченой горнице
И на Василии блаженном.

Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвести столетье.
Апрель 1944г.

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

Корыта и ушаты,
Нескладица с утра,

Дождливые закаты,
Сырые вечера,

Проглоченные слезы
Во вздохах темноты,
И зовы паровоза
С шестнадцатой версты.

И ранние потемки
В саду и на дворе,
И мелкие поломки,
И все как в сентябре.

А днем простор осенний
Пронизывает вой
Тоскою голошенья
С погоста за рекой.

Когда рыданье вдовье
Относит за бугор,
Я с нею всю кровью
И вижу смерть в упор.

Я вижу из передней
В окно, как всякий год,
Своей поры последней
Отсроченный приход.

Пути себе расчистив,
На жизнь мою с холма
Сквозь желтый ужас листьев
Уставилась зима.
1941г.

Алексей Сурков

В ЗЕМЛЯНКЕ

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,

И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

О тебе мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дай не легко,
А до смети - четыре шага.

Пой, гармоника, вьюгае назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твой негасимой любви.
Под Москвой, 1941г., ноябрь

УТРО ПОБЕДЫ

Где трава от росы и от крови сырая,
Где зрачки пулеметов свирепо глядят,
В полный рост, над окопом переднего
края,
Поднялся победитель-солдат.

Сердце билось о ребра прерывисто, часто.
Тишина... Тишина... Не во сне - наяву.
И сказал пехотинец: - Отмаялись! Баста!-
И заметил подснежник во рву.

И в душе, тосковавшей по свету и ласке,
Ожил радости прежней певучий поток.
И нагнулся солдат и к простреленной
каске
Осторожно приладил цветок.

Снова ожили в памяти были живые -
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немислимых года впервые,

Как ребенок, заплакал солдат.

Так стоял пехотинец, смеясь и рыдая,
Сапогом попирая колючий плетень.
За плечами пылала заря молодая,
Предвещающая солнечный день.
1945г.

Юрий Левитанский

Ну что с того, что я там был

Ну что с того, что я там был. Я был давно,
я все забыл.
Не помню дней, не помню дат. И тех
форсированных рек.
Я неопознанный солдат. Я рядовой, я
имярек.
Я меткой пули недолет. Я лед кровавый в
январе.
Я крепко впаян в этот лед. Я в нем как
мушка в янтаре.

Ну что с того, что я там был. Я все забыл.
Я все избыл.
Не помню дат, не помню дней, названий
вспомнить не могу.
Я топот загнанных коней. Я хриплый окрик
на бегу.
Я миг непрожитого дня, я бой на дальнем
рубеже.
Я пламя вечного огня, и пламя гильзы в
блиндаже.

Ну что с того, что я там был. В том грозном
быть или не быть.
Я это все почти забыл, я это все хочу
забыть.

Я не участвую в войне, война участвует во
мне.
И пламя вечного огня горит на скулах у
меня.

Уже меня не исключить из этих лет, из той
войны.
Уже меня не излечить от тех снегов, от той
зимы.
И с той зимой, и с той землей, уже меня не
разлучить.
До тех снегов, где вам уже моих следов не
различить.

Владимир Высоцкий

* * *

Почему все не так? Вроде все как всегда:
То же небо опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.
Мне теперь не понять, кто же прав был из
нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.
Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом
вставал,
А вчера не вернулся из боя.
То, что пусто теперь, - не про то разговор.
Вдруг заметил я - нас было двое.
Для меня будто ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.
Нынче вырвалась, будто из плена, весна.
По ошибке окликнул его я:

"Друг, оставь покурить". А в ответ -
тишина:

Он вчера не вернулся из боя.
Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие как часовые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.
Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло - для обоих.
Все теперь одному. Только кажется мне:
Это я не вернулся из боя.

Булат Окуджава

* * *

Ах война, что ж ты сделала подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли,
Повзрослели они до поры,

На пороге едва помаячили
И ушли за солдатом - солдат...
До свидания мальчики! Мальчики,
Постарайтесь вернуться назад

Нет, не прячьтесь, вы будьте высокими
Не жалейте ни пуль, ни гранат,
И себя не щадите вы, и все-таки
Постарайтесь вернуться назад.

Ах война что ж ты подлая сделала:
Вместо свадеб - разлуки и дым.
Наши девочки платица белые
Раздарили сестренкам своим.

Сапоги - ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки,
Мы сведем с ними счеты потом.

Пусть болтают, что верить вам не во что,
Что идете войной наугад...
До свидания, девочки! Девочки,
Постарайтесь вернуться назад.

Бери шинель, пошли домой

А мы с тобой, брат, из пехоты,
А летом лучше, чем зимой.
С войной покончили мы счёты,
Бери шинель, пошли домой!

Война насгнула и косила,
Пришёл конец и ей самой.
Четыре года мать без сына,
Бери шинель, пошли домой!

К золе и к пеплу наших улиц
Опять, опять, товарищ мой,
Скворцы пропавшие вернулись,
Бери шинель, пошли домой!

А ты с закрытыми глазами
Спишь под фанерною звездой.
Вставай, вставай, однополчанин,
Бери шинель, пошли домой!

Что я скажу твоим домашним,
Как встану я перед вдовой?
Неужто клясться днем вчерашним,
Бери шинель, пошли домой!

Мы все - войны шальные дети,
И генерал, и рядовой.
Опять весна на белом свете,
Бери шинель, пошли домой!